

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В США И ЕВРОПЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

Научная статья

Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма)

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН
ул. Гарибальди, д. 21 Б, Москва, Россия, 117335

Аннотация. В статье рассматриваются проблема влияния Лео Штрауса на политическую культуру США, анализируется современная историографическая ситуация проблемы. Авторы показывают, что как в США, так и в современной России вопрос о степени и характере влияния Л. Штрауса на неоконсерваторов до сих пор остается открытым. Между тем, очевидно, что Штраус оказал существенное влияние на формирование неоконсервативной идеологии, что проявляется в сходстве базовых идей философа и его последователей. Формирование политических взглядов философа происходило в условиях кризиса Веймарской республики и прихода нацистов к власти в Германии, что поставило перед Штраусом вопрос о необходимости сильной демократии и ее возможности защищаться от тирании. Идея сильной демократии, способной противостоять тоталитаризму и авторитаризму, – одна из ключевых неоконсервативных идей. Сходство философских воззрений Штрауса и неоконсерваторов видится в критике либерального мироустройства, моральных основ Запада, породивших релятивизм и нигилизм. Мировоззренческое единство неоконсерватизма и его разновидности в форме штрауссианства с идеями Штрауса проявляется в отстаивании интересов государства Израиль, которое рассматривается основоположниками неоконсерватизма в качестве форпоста западного мира.

Ключевые слова: Лео Штраус, Карл Шмитт, Ирвинг Кристол, либерализм, фашизм, коммунизм, неоконсерватизм, штрауссианство, кризис либерализма, элитизм, демократия, тирания, моральный кризис Запада.

Введение

Фигура Лео Штрауса (20.09.1899 – 18.10.1973), американского философа еврейского происхождения, имеющего репутацию «отца неоконсерватизма», до сих пор привлекает внимание исследователей, анализирующих проблему

© Блохин К.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

идейных истоков и генезиса неоконсерватизма. Будучи влиятельным интеллектуальным течением (или идеологией), неоконсерватизм в большой степени определил идейно-политический дискурс второй половины XX – начала XXI в., радикально противопоставив либеральную демократию тоталитаризму.

Нет сомнений в том, что неоконсерватизм как интеллектуальное течение части американского общества имеет синтетическую природу, поскольку он формировался под воздействием различных идейно-политических и философских факторов, что и обуславливает теоретико-методологические трудности идентификации штрауссианского влияния в неоконсерватизме. «Факт заключается в том, что неоконсерватизм не является строго гомогенным или единым политическим движением, но это не означает того, что в его формировании не участвовали фундаментальные идеи и убеждения таким же способом, как различные коммунистические фракции формировались под общим влиянием философии Карла Маркса», – отмечает С. Томпсон [1. Р. 4].

Показательно разнообразие интеллектуальных источников неоконсерватизма, среди которых философы: Платон, Аристотель, Дж. Локк, А. Смит, Э. Берк, А. Токвиль, Л. Троицкий, А. Кроули, Р. Нибур, М. Фридман и Ф. фон Хаек, государственные деятели: Т. Джефферсон, А. Линкольн, О. Бисмарк, Б. Дизраэли, Т. Рузвельт, Франклин Д. Рузвельт, Г. Трумэн, Г. Джексон, Р. Рейган, Дж. Буш, Б. Обама. Политический состав неоконсерваторов также отличается неоднородностью, в его состав входят социалисты, либералы, консерваторы. В религиозном отношении неоконсерваторы близки как иудейской, так и католической и протестантской теологии, хотя в основе своей неоконсерваторы являются неверующими [1. Р. 5].

Видимо, этим обстоятельством объясняется непрекращающаяся дискуссия в общественной мысли как среди американских, так и российских исследователей. Наиболее обширный пласт исследований представляют работы англо-американских авторов, таких как Ч. Томпсон [1], П. Готфрид [2], Дж. Хелбрунн [3], Х. Веласко [4], А. Нортон [5], где в той или иной степени рассматриваются вопросы генезиса неоконсерватизма, в частности характер и масштаб влияния Л. Штрауса на неоконсервативную мысль и практику. В то же время следует констатировать, что единства мнений о степени влияния Л. Штрауса на неоконсерваторов среди исследователей до сих пор не сложилось. По существу, можно говорить о существовании двух крайних позиций в англо-американской литературе.

По мнению Х. Веласко, связь Штрауса с неоконсерваторами не очевидна. Едва ли уместно утверждать влияние философа лишь на том основании, что члены администрации Дж. Буша-мл. однажды учились у Штрауса либо были его студентами [4. Р. 161]. Кроме того, по мнению Веласко, Штраус очень редко писал по вопросам публичной или внешней политики. Он был философом, и его мысль не очень просто совместить со сферами реальной политической практики. Кроме того, довольно трудно установить связи между Штраусом и неоконсерваторами, поскольку он известен своим труд-

но понимаемым стилем письма. Читать Лео Штрауса намного труднее, чем Витгенштейна, Хайдеггера, или Джойса вместе взятых, поскольку не хотел быть понятным для всех и писал только для избранных, немногих своих учеников. Большинство же неоконсерваторов никогда не изучало Штрауса или не было знакомо с его работами. При этом совершенно неправильно утверждать, что он является духовным учителем всех неоконсерваторов [4. Р. 162].

С другой точкой зрения выступил авторитетный исследователь С. Томпсон, доказывая тесную связь неоконсерватизма с наследием Штрауса. По его мнению, «политическая философия Ирвинга Кристола и в итоге неоконсерватизма вообще выводится из установок политической философии Лео Штрауса» [1. Р. 71]. М. Фридман подчеркивает не прямое влияние идей Штрауса через своего ученика Алана Блума на представителей второго поколения неоконсерваторов времен Р. Рейгана и Дж. Буша-ст. – В. Кристола и С. Кроспи [6. Р. 224].

Указанное разнообразие мнений лишний раз подчеркивает проблематичность в изучении наследия Л. Штрауса в академическом сообществе США.

Последнее десятилетие отмечено взрывным интересом к философскому и политологическому наследию Л. Штрауса и в России. Так, по мнению А.В. Павлова, влияние Штрауса на неоконсерватизм проявилось в таких идеях, как «стремление к абсолюту, целому и универсальному, поиск единой истины и желание обнаружить ее во всем, что касается политики»; это снятие конфликта между религией и наукой, «разумом и откровением»; это «эзотерический» аспект его учения. Штраус верил, что философы предлагали не только и не столько «эзотерическое» или рекомендательное учение, сколько «эзотерическое» или истинное учение, которое скрыто от глаз рядового читателя» [7]. Хотя А.В. Павлов и указывает на определенные линии «сопряжения» Штрауса с неоконсерваторами, автор обозначает проблематичность в изучении наследия мыслителя, выражающуюся в различиях мнений российских исследователей.

В диссертации А.Н. Мишурина подчеркивается, что Л. Штраус «стал прародителем сразу двух консервативных течений, условно называемых неоконсерватизм и леоконсерватизм», а его метод политического анализа отношения знания и власти доказал свою эффективность при построении отношения между знанием и властью в демократическом режиме [8. С. 130].

Философский элитизм Штрауса и «непрямую связь» идей философа с неоконсерваторами отмечает И.А. Матвеев [9]. Э.Ф. Макаревич указывает на связь идей Штрауса с неоконсервативным курсом Р. Рейгана [10], а вопросы политической методологии философа рассматриваются в статье А. Порецкой [11].

Обстоятельный очерк политической философии Л. Штрауса дан в фундаментальной работе Т.А. Алексеевой, которая отмечает, что политическая философия Штрауса была использована в интересах практической полити-

ки, что и привело в конечном счете к искажению замыслов философа, против которых он принципиально боролся. Для Т.А. Алексеевой очевидна разница между философией Штрауса и взглядами тех, кто считает себя его последователями [12. С. 50].

Достаточно широкий спектр исследований философского и политического наследия Л. Штрауса в современной российской науке наглядно свидетельствует о растущем интересе к этой противоречивой и сложной личности [13]. Как видно из обзора литературы, в российской политологии и историографии проблема влияния идей Л. Штрауса на неоконсервативную мысль и политическую практику изучена не в полной мере, авторы подчеркивают связь его теоретического наследия с неоконсерваторами, однако это влияние философа прослежено лишь частично. Не менее очевидно, что разрешение этой проблемы предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, а именно: определении характера и степени идейного влияния на неоконсерваторов. Не менее важен вопрос о каналах, способах такого влияния, что требует исследования личных связей и контактов философа с его адептами. Безусловно, установление влияния Штрауса на неоконсерваторов – неподъемная академическая проблема для небольшой статьи и требует рассмотрения всего неоконсервативного наследия, а поэтому в работе определяются лишь очевидные траектории такого влияния, смысловые линии сопряжения. Предметом статьи является выявление идей Штрауса в общем комплексе неоконсервативных идей.

Источниками исследования являются сочинения самого Л. Штрауса и политические труды И. Кристола. Весьма ценным источником является монография Анны Нортон, которая некоторое время слушала курс по политической философии у самого Штрауса и хорошо знает неоконсерватизм, так сказать, «изнутри» и сообщает нам значимые детали жизни и деятельности философа и его приверженцев.

Экзистенциальные предпосылки

Философские и политические взгляды идейного вдохновителя неоконсерватизма в значительной мере определяются его жизненным опытом. Лео Штраус родился 20 сентября 1899 г. в маленьком городке Германии Киркчайне. Первоначальное обучение получил в гимназии, где изучал греческий и латинский языки. Штраус стал известен как философ, которого интересовали политические теории древности и современности. Будучи в Германии, он опубликовал работы о Спинозе, Маймониде, переписывался с Карлом Шмиттом.

Формирование мышления Лео Штрауса невозможно понять вне контекста времени. Живя в Германии в эпоху становления и краха Веймарской республики, он не мог не впитать традиции германской философии и культуры, не мог не стать человеком, жившим в среде, где осуществлялся грандиозный культурный синтез германской и еврейской культуры. Вероятно, этим обстоя-

тельством объяснимо сближение с немецким политическим философом Карлом Шмиттом. Современные исследователи спорят о степени влияния Карла Шмитта на Лео Штрауса, и посредством него – на неоконсерваторов [14. С. 32]. Не вступая в полемику по поводу такого влияния, вместе с тем следует отметить ряд аспектов взаимоотношений Карла Шмитта и Лео Штрауса. Это переписка выдающихся философов, опубликованная Х. Майером, вызванная публикацией К. Шмиттом «Понятие политического». Для раскрытия нашей темы имеет принципиальное значение второе письмо Л. Штрауса от 4 сентября 1932 г., в котором Штраус высказал ряд важных идей, характеризующих его политическую философию. Как известно, К. Шмитт выступал решительным критиком идей Просвещения, в которых, по его мнению, и следует искать причины современного (первая треть XX века) кризиса западного мира, кризиса либерализма.

Для Просвещения, как известно, был характерен исторический оптимизм, основанный на вере в способность человеческого разума создать более совершенный мир, обеспечить права человека, разрешить проблему человеческого счастья. Штраус в своем отношении к Просвещению очень скептичен. В письме к Шмитту он подчеркивает врожденное зло человека, присущее ему от природы. «Последним фундаментом правых является тезис о естественном зле человека; поскольку человек зол от природы, он нуждается в господстве. Но установить господство, т.е. объединить людей в единство можно только против других людей. Всякое объединение людей является необходимым образом соглашением против других людей» [15. С. 151]. По мнению Штрауса, такое объединение людей является «условием государства».

Томпсон резонно считает, что Штраус усилил аргументы К. Шмитта в его критике либерализма, но отнюдь не был его защитником. Штраус считал принципы правых лучшим противоядием возвышению нацизма. Увлечение правыми идеями в тот период времени не было чем-то экстраординарным. Многих западных интеллектуалов вплоть до 1933 г., включая либералов, социалистов и прогрессивных мыслителей, привлекали принципы и практика итальянского фашизма. Очевидно, что Штраус был одним из тех, на кого повлиял Муссолини в начале 1930-х гг. Согласно воспоминаниям друга Хайдеггера Ганса Джонаса, Штраус был сторонником Муссолини тогда, когда тот еще не обратился к антисемитизму [1. Р. 212–213]. В 1920–1930-е гг. Муссолини пользовался огромной популярностью в США. С 1925 по 1928 г. в американских изданиях вышло более сотни статей о Муссолини и только 15 о Сталине. В течение 10 с лишним лет иностранный корреспондент «New York Times» Анна Маккормик О’Хара создала сияющий образ Муссолини, на фоне которого последующее восхваление Сталина в Times выглядит почти критикой [16. С. 24]. В итальянском фашизме привлекали критика либерализма, необходимость сильного корпоративистского государства [16. С. 24].

До начала 1930-х гг. Штраус преподавал в Гамбургском университете, а в 1932 г. он переехал во Францию, затем в Англию. В 1937 г. он перебрался в Нью-Йорк, где преподавал политологию в Школе новых социальных ис-

следований, позже в Чикагском университете. На формирование мировоззрения философа оказало влияние то обстоятельство, что он был живым свидетелем агонии Веймарской демократии, растущего антисемитизма и агрессивности нацистских кругов. Штраус категорично не принимал нацизм и фашизм. Необходимо отметить, что оставшиеся в Германии его родственники не избежали участи большинства еврейского населения. Вероятно, это «странное сочетание ненависти к фашистской диктатуре и увлечение идеями Карла Шмитта и породило его политическую теорию» [3. Р. 94].

Другим, и можно сказать определяющим, фактором формирования его мировоззрения стал сионизм, которым он проникся во время обучения в университете, будучи еще в Германии. В конце 1920-х гг. он сошелся с Владимиром Жаботинским, харизматичным еврейским лидером, выступавшим за создание Израиля. Штраус вскоре принял идеи Жаботинского, полемизировавшего с Теодором Герцелем. Последний стремился создать такое еврейское государство, в котором бы евреи и арабы мирно уживались друг с другом. Любовь к Израилю, сложившаяся в те годы, была пронесена Штраусом через всю жизнь. В конце 1950-х гг. он резко высказывался против тех общественных деятелей в США, кто критически относился к еврейскому государству. Для Штрауса в годы «холодной войны» Израиль являлся своеобразным «аванпостом Запада, окруженным смертельными врагами», образцом консервативного проекта, который питался «героическим аскетизмом и близостью библейской античности» [Там же. Р. 94–95]. Показательно, что ученики философа, многие из которых являлись известными неоконсерваторами и штрауссианцами, слывут непреклонными сторонниками государства Израиль и обычно находятся на праворадикальных позициях [2. Р. 22].

Распространение идей Штрауса произошло в период его пребывания в США, куда он прибыл в конце 1930-х гг. Интеллектуальным пристанищем для философа стал Чикагский университет, в стенах которого сложилась своеобразная штрауссианская традиция, «оплодотворившая» американский неоконсерватизм. Штраус вскоре стал известен. Так, «интеллектуальный шок» вызвало знакомство Ирвинга Кристола, одного из столпов неоконсерватизма, со статьей Штрауса «Преследование и искусство письма», в начале 1950-х гг. [1. Р. 64]. Однако и сам Штраус целенаправленно готовил своих последователей.

Будучи комментатором древних текстов и «великих книг», он учил своих студентов вчитываться в тексты, понимать их. Один из выдающихся студентов как-то сказал о Штраусе: «Он научил меня читать». Наиболее известными учениками философа были Джозеф Кросби, Ральф Лернер из Чикагского университета, Харви Менсфилд из Гарварда, Стэнли Розен из Бостонского университета и др. Они, в свою очередь, обучили многих студентов, некоторые из которых пошли в политику. Весьма показательно, что Харви Менсфилд и Джозеф Кросби были известными политическими философами неоконсервативного направления. Причем первый из них был наставником Фрэнсиса Фукуямы, автора бестселлера «Конец истории», и

Вильяма Кристола, редактора «Weekly Standard». В свою очередь Джозеф Кросби обучал Пола Вулфовица и Абрама Шульски, известных деятелей военного истеблишмента США. Мэнсфилд был известен своей борьбой против левых и либералов [5. Р. 6–8].

В эти годы в США сложилось несколько центров, профессора которых обучали своих студентов изучать штрауссианские тексты. Считается, что такие известные университеты, как Чикагский, Гарвардский и Университет Торонто, являются «школами штрауссианства». Влиятельность этого течения мысли подтверждается существованием многочисленных фондов, среди которых наиболее известны Earhart, Olin, Scaife, Lynde и Harry Bradley [Там же. Р. 11]. Очевидность связи неоконсервативных практиков и профессоров-штрауссианцев, в указанном контексте, не вызывает никаких сомнений, тем более что сам Штраус верил в силу и могущество идей.

Одна из центральных тем, которая роднит Л. Штрауса и неоконсервативов, – это проблема кризиса в современном обществе, прологом к которому он считал нигилизм в Германии, сопровождавшийся установлением нацистской диктатуры. Смысл германского нигилизма философ видел в «его стремлении к разрушению, отрицающему современную цивилизацию», к «моральному протесту» со стороны германских интеллектуалов против общества всеобщего довольства и благополучия [17]. «Вот что я скажу: нигилизм – есть отбрасывание принципов цивилизации как таковой», – писал Штраус [Там же].

Альтернативой нигилизму, по мнению Штрауса, является цивилизация, «сознательное окультуривание людей», разумности. Ее столпами являются «моральные нормы, наука и их единение». По убеждению Штрауса, утверждение нигилизма в Германии произошло по причине того, что она менее культурна, чем другие западные страны. К нигилизму с его отрицанием разумной жизни он отнес и коммунистическую Россию. Носителем идеала современной цивилизации для Штрауса, несомненно, является англосаксонский мир и Франция. «Идеал современной цивилизации имеет англо-французское, а не германское происхождение... Можно говорить о тенденции интеллектуального развития, которая, в, так сказать, разработанном виде, предстала во Французской Революции» [Там же]. Англо-саксонский мир оказался в состоянии сохранить непрерывность этой традиции. Начавшуюся мировую войну он рассматривал в качестве символического действия, в котором сошлись силы нигилизма (Германия) и цивилизации (Великобритания). «Англичане, а не германцы, заслуживают звания имперской нации...» [Там же].

Л. Штраус, безусловно, видел в англосаксонском мире защитника политических идеалов Запада, который был для него вообще синонимом «цивилизации». Такой взгляд, видимо, определялся опытом переживания крушения Веймарской республики, когда, будучи молодым человеком, он столкнулся с крахом демократии, осознавал ее неспособность навязывать обществу собственную парадигму. Он был разочарован неспособностью демократии сопротивляться тираническим режимам [18. С. 65]. Ему было важ-

но связать демократию с необходимостью использовать силу. Этим мотивом объясняется симпатия Штрауса к политической деятельности У. Черчилля. Штраус идеализировал Черчилля с тех пор, как побывал в Кембридже в 1930-х гг., и до конца своих дней он высоко оценивал волевые и лидерские качества этого политика [2. Р. 35].

Весьма показательно сходство в оценке Черчилля идей Штрауса с его последователями. Если заслуга Черчилля для Штрауса состояла в героическом противодействии нацизму, то для штрауссианцев Черчилль стал олицетворением «демократии с кулаками», противостоящей тираническому коммунизму. В этом ряду все лидеры, защищающие западные ценности, даже если они авторитарны, позитивно оцениваются штрауссианцами. Среди них генерал Первез Мушарафф, Шах Ирана Реза Пехлеви и основатель Сингапура, известный реформатор Ли Куан Ю. Анна Нортон справедливо называет этот подход «автократической демократией» [5. Р. 131].

Такая демократия в первую очередь призвана работать в условиях кризиса, но при этом поддержка «автократических демократий» имела очевидную уязвимость, поскольку была чревата скатыванием к диктатуре, которая казалась американским либералам «правильным» противоядием от коммунистических угроз. Здесь показателен пример Филиппин. Как только в стране наметились левые и антиамериканские тенденции, вызванные политикой демократически избранного лидера Корасон Акино в 1980-е гг., неоконсерваторы ответили на это статьей Джин Кирпатрик «Демократия и двойные стандарты», в которой она призвала президента США Дж. Картера поддерживать диктаторские проамериканские силы. Киркпатрик обвинила Картера в «двойных стандартах» за его поддержку левых демократических сил. По существу, для неоконсерваторов и штрауссианцев демократия уже не являлась «Священным Граалем». Скорее их убеждала фраза второй почитаемой неоконсерваторами после Черчилля фигуры американской истории – Авраама Линкольна, который изрек однажды: «Господь критически относится к народам, которые почитают свои конституции».

В годы «холодной войны» Штраус неоднократно обращался к теме американского либерализма. Для него либеральным ценностям была тождественна сама цивилизация с ее духовным ядром, сформировавшимся в эпоху Просвещения, с культом разума. Однако он ясно видел и несовершенства либерализма, его слабости, кризисные проявления. Для философа кризис Запада имел моральную природу, поскольку означал утрату человеком жизненных ориентиров, приводил к неспособности различить добро и зло [1. Р. 72]. Философ был полон скептицизма в отношении либерализма как такового, будучи убежденным, что сам либерализм заключал в себе источник саморазрушения, поскольку коммунизм, фашизм или нигилизм – всего лишь «последние волны», разветвления классического либерализма. Либерализм, коммунизм и современный нигилизм, по мнению Штрауса, имеют глубинное внутреннее родство, типологическое сходство, различия же не имеют существенных оснований, они скорее – различия степени развития.

По его убеждению, Москву и Вашингтон сближало стремление к универсальному, материально-богатому, гомогенному обществу, характеризующемуся свободой, равенством и потреблением. Штраус считал, что «коммунизм был “внебрачным ребенком”, диким, капризным близнецом либерализма Локка. Он полагал, что коммунизм является параллельным проектом западного развития, поскольку оба отстаивали равенство, технологии, материальное благосостояние, стремление к счастью. Главное различие между коммунизмом и либеральным капитализмом Штраус усматривал в том, что они расходились в средствах достижения общей цели. Он высказывал мнение, что либерализм соглашается с коммунизмом по поводу главной цели, но радикально расходится с ним в способах ее достижения...» [1. Р. 75–76].

Признавая цель коммунизма и либерализма «морально отвратительной», Штраус, тем не менее, был убежден, что коммунистическая идея «не работает», а «американская либеральная демократия имеет преимущество перед коммунизмом». В схожем русле рассуждал и Ирвинг Кристал, пожалуй, самый авторитетный идеолог неоконсерватизма. По его мнению, «опыт десятилетий, прошедших после Второй мировой войны, показал, что старые левые попросту не могут состязаться с буржуазным либерализмом в этом идеологическом споре» [19]. В то же время Кристал отчетливо наблюдал кризисные процессы в самом западном обществе. Неоконсерваторы полагали, что главной угрозой современному миру не является и никогда не был социализм или коммунизм, фашизм или нацизм. Они настаивали на том, что все эти современные движения являются просто проявлениями более глубокого философского и культурного расстройств, коренившегося в рационализме Просвещения и его результатах: современной науке, либеральном индивидуализме и буржуазном меркантилизме [1. Р. 78].

Подобно Штраусу И. Кристал отмечает прогрессирующий моральный упадок, проявляющийся в росте индивидуализма, отказе от традиционных ценностей, религии, морали. «...Сейчас становится ясно, что религия и моральная философия, связанная с религией, намного важнее политически, чем готова признать философия либерального индивидуализма» [19].

Кристал отвергает идею о конечном благе «самореализации» личности, поскольку она грозит подрывом либерального капитализма и свободного общества. Защита моральных устоев видится ему в необходимости усиления религиозных начал. Интеллектуальная ограниченность либертарной традиции капитализма ведет напрямую, по мнению Кристола, к общественному пороку. «Она (либертарная традиция) никогда не смогла поверить, что порок, не сдерживаемый религией, моралью и законом, может привести к варварству. Она никогда по-настоящему не понимала, что саморазрушительный нигилизм был подлинной и постоянной угрозой, против которой любое общество должно защищаться» [19].

Серьезное беспокойство Кристал испытывал от растущего влияния левого либерализма и социализма в 1970-е гг. Не случайно статья Кристола «Капитализм, социализм и нигилизм» вышла в свет в 1978 г., когда в США

достаточно влиятельными были «новые левые». Они для Кристола – «близнецы и братья» левого либерализма. Так же как Штраус он находил глубокое ценностное родство между левыми либералами и социалистами. «Можно даже сказать, что это социалистическая ересь, соответствующая той либеральной ереси, с которой она вступила в борьбу: ереси “свободного общества”, где индивидуумы освобождены от буржуазного этоса, когда-то объединявшего их в буржуазно-либеральном сообществе» [19].

Антиподом и врагом столь несовершенной демократии, по убеждению Штрауса, являются диктатуры и тирании, к анализу которых Л. Штраус применил платоновскую утопию из античности в своей известной книге «О Тирании», в которой сформулировал ряд важных для неоконсерватизма идей. Хотя книга вышла в свет в 1948 г., в ней отразились идеи, высказанные философом еще в 1930-х гг., когда он проживал еще в Германии. «Сегодняшняя тирания в противоположность классической тирании, основывается на неограниченном движении вперед в “покорении природы”, которое стало возможным благодаря современной науке, равно как и на популяризации распространении философских и научных знаний», – отмечал Штраус [20. С. 276]. Безусловно, под тиранией он подразумевал фашистский режим в Германии и коммунистический режим в СССР.

Л. Штраус был убежден в абсолютной бесчеловечности тирании. В споре с французским философом русского происхождения А. Кожевым, доказывавшим, что тирании способны играть исторически прогрессивную роль, Штраус аргументировал: «Хватит ли у Кожева смелости сказать, что все, кто живет внутри железного занавеса, – союзники Сталина, или, что Сталин считает всех граждан советской России и других “народных демократий” своими товарищами?» [20. С. 292–293]. Оспаривая тезис Кожева о справедливом строе, возможном при «однородном государстве», Штраус, размышляя в платоновском духе о государстве мудрецов, заключал, что «...порядок, выступающий в обличье абсолютной власти мудрецов, в действительности будет абсолютной властью людей, лишенных мудрости». В результате размышления он пришел к выводу, что «либеральная, или конституционная, демократия в большей мере согласуется с требованиями древних мыслителей, чем любая из жизнеспособных альтернатив, которые может предложить наше время...» [20. С. 299].

Государство, с помощью которого человек становится в достаточной степени удовлетворен, будет в таком случае государством, где напрочь исчезает основа человечности человека, где человек свою человечность теряет. Это государство «нищевского последнего человека»... Если всеобщее однородное государство есть цель Истории, История абсолютно «трагична» [20. С. 321].

Кроме философских обобщений и платоновских экстраполяций Штраус не дал глубокого политического анализа однородного государства, но при этом верил в возможность свержения и его уничтожения, «пока человеческая природа еще не покорена окончательно, пока солнце и человек дают еще

жизнь человеку, нет причин отчаиваться. Штраус призывает к «нигилистической революции» против однородной тирании. Эти оценки тиранических режимов как режимов бесчеловечных согласуются с неоконсервативным призывом борьбы против современных диктатур и авторитарных режимов. И подобно Лео Штраусу неоконсерваторы выступали активными сторонниками «революционной борьбы» за утверждение демократических режимов.

Философы правят миром?

Основной теоретической посылкой политического идеала Штрауса является его элитизм. На наш взгляд, он наиболее ярко проявляется в его учении о роли философа в жизни государства, его взаимоотношениях с властью. Понимая философию как поиск истины, Штраус противопоставлял ее сложившимся представлениям, прежде всего – религии. По его убеждению, «философия несовместима с Откровением». Будучи абсолютно критичной и свободной, она неизбежно ведет к атеизму, оказывается «радикально атеистичной». «Различия между Платоном и материалистом вроде Демокрита меркнут на фоне различий между Платоном и любым учением, основанным на религиозном опыте» [21. С. 430].

Сам статус философии, как элитарного знания творческого меньшинства, ставит ее над обществом. «Философия не только транссоциальна и трансрелигиозна, но также и трансморальна. Философия утверждает, что, в конечном счете, у человека нет иного выбора, кроме как выбора между философией и отчаянием, замаскированным самообманом...» [21. С. 431]. В этом противопоставлении элитарного меньшинства, познающего истину, и профанного большинства, «ведомого благородной ложью», очевидно, сказывается влияние теории идей Платона, его концепции идеального государства. Такой дуализм в понимании истины Штраус развил в другой фундаментальной работе – «Преследование и искусство письма», центральным пунктом которой является проблема бытия философа в тоталитарном обществе. Очевидно, «искусство письма» в работе Штрауса понимается двояко.

С одной стороны, любой текст, с которым имеет дело исследователь, несет скрытую информацию, что порождает необходимость «прочтения меж строк», использования герменевтического метода, к которому прибегал сам Штраус при изучении «великих книг». Для каждой эпохи характерен свой семантический язык. «Каждый период прошлого должен быть рассмотрен сам по себе – к нему нельзя применять чуждые ему нормы», – писал философ [22. С. 16].

С другой стороны, мыслитель в несвободном или тоталитарном обществе вынужден скрывать свое истинное мнение и умело применять его в качестве идейного оружия. «Мы легко можем представить себе историка, живущего в тоталитарной стране, в целом уважаемого члена единственной существующей партии, который находится вне всяких подозрений. Мы можем также представить, что ряд научных изысканий привел его к сомнениям

в правильности одобряемых государством взглядов. Никто не может помешать историку опубликовать статью, в которой он со всей страстью обрушится, скажем, на либеральные взгляды. Однако прежде чем критиковать и атаковать эти самые взгляды, ему, безусловно, придется их изложить. Это изложение будет выдержано в тихой, невыразительной и даже слегка скучной манере, которая будет казаться неестественной... И только когда речь пойдет о самом важном, о самой сути, тогда только автор сформулирует три-четыре предложения в том лаконичном и живом стиле, который только и способен привлечь внимание юноши, привыкшего мыслить» [22. С. 14–15].

Фактически Штраус указывает на одну из технологий сопротивления тоталитарной власти, когда высказанная косвенным образом, но неугодная правда способна заставить людей сомневаться в сложившихся идеологических устоях изнутри. Однако эзотерический метод «писать между строк» применим и в управлении либеральным обществом. «При этом те, к кому на самом деле адресованы подобные книги, – это и не бездумное большинство, и не настоящие философы как таковые. Это молодые люди, которые, возможно, когда-то станут философами» [22. С. 22].

Штраус полагал, что долг философа не ограничивается исканием истины, а состоит в участии в политической жизни государства, подготовке будущих правителей. Государственные деятели, в представлении Штрауса, олицетворяют собой связь между философией и политикой. Философ Штрауса в первую очередь заинтересован в получении знаний, а затем – в обучении своих студентов [1. Р. 114].

Заключение

Логика Штрауса убедительно доказывала необходимость существования элитарного меньшинства, владеющего истиной и «непосвященного большинства», удостоенного «мудрого неведения». Такое мнение с энтузиазмом было воспринято неоконсерваторами, в частности И. Кристолом, считавшим, что есть многочисленные виды истин, ориентированных на различные группы людей, а единого универсального набора истин для всех не существует [19]. При таком подходе истинность отходит на второй план перед ее политической действенностью, что в принципе означает ее утилитарное использование в зависимости от места и времени. Идея для неоконсерваторов в этом случае становится оружием политической борьбы [1. Р. 33].

Политические идеи штрауссианцев и неоконсерваторов поражают своим дуализмом. С одной стороны, они выступают за необходимость сохранения и защиту демократии, осознают моральную кризисность ее основ, а с другой, не доверяя мнению большинства, верят в мудрость немногих, в право избранных на управление обществом. Эта двусмысленность, видимо, и дает право некоторым американским критикам Штрауса и штрауссианства обвинять его в фашизме. Как известно, благими идеями вымощена дорога в ад.

Подводя итоги рассмотрения проблемы, трудно усомниться в справедливости мнения о весьма существенном влиянии Штрауса на американскую политическую жизнь. Политические идеи Штрауса о сильной демократии, способной противостоять любым формам тирании, оказались удачно вписанными в контекст «холодной войны», определяемый противостоянием США и СССР, либерализма и коммунизма. Востребованность политико-философского наследия Л. Штрауса обусловлена общественным запросом американского общества, осознававшего ограниченность либерализма как такового, несшего на себе «родимые пятна» индивидуализма, меркантилизма, утраты жизненного смысла. Л. Штраус – политический мыслитель эпохи морального кризиса Запада, осознававшего слабости американской демократии на фоне роста левого движения.

Культура уязвимости преследуемого меньшинства была перенесена Штраусом в американскую политическую жизнь из опыта переживания нацистской диктатуры и вместе с реминисценциями платоновской утопии о государстве философов, породила своеобразный элитизм, ставший основой неоконсервативной программы.

Штрауссианцы, как ученики и последователи Штрауса, члены американского академического сообщества, стали своеобразным «передаточным звеном» между Штраусом и неоконсервативными практиками, которые воплощали теоретические схемы авторитетного философа в жизнь.

Библиографический список

- [1] *Thompson C.B.* Neoconservatism: An Obituary for an Idea. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2010. 303 p.
- [2] *Gottfried P.E.* Leo Strauss and the Conservative Movement in America: A Critical Appraisal. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 182 p.
- [3] *Heilbrunn J.* They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon. New York: Doubleday, 2008. 320 p.
- [4] *Velasco J.* Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 300 p.
- [5] *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven: Yale University press, 2004. 235 p.
- [6] *Freidman M.* Neoconservative Revolution: Jewish Intellectuals and the Shaping of Public Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 303 p.
- [7] *Павлов А.В.* Прагматичные наследники Лео Штрауса // История философии. 2008. Вып. 13. С. 98-109.
- [8] *Мишурич А.Н.* Знание и власть в политической философии Лео Штрауса : дис... канд. полит. наук. М.: Российская академия наук, 2014. 151 с.
- [9] *Матвеев И.А.* По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 29-33.
- [10] *Макаревич Э.Ф.* Концепции и разработки для американского глобального лидерства // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 3. С. 45-63. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Makarevich_Global-Leadership-USA/. Дата обращения: 05.09.2019.

- [11] *Порецкова А.А.* Будущее политической теории: дискуссия о легитимации научного знания на примере гуманистической и постструктуралистской традиции // *Political science (RU)*. 2018. № 1. С. 269-282.
- [12] *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX-XXI вв.). М.: Аспект Пресс, 2016. 621 с.
- [13] *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *ПОЛИТЭКС*. 2016. Т. 12. № 1. С. 5-28.
- [14] *Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня. М.: ИОИ, 2014. 189 с.
- [15] *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимен, 2012. 191 с.
- [16] *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012. 509 с.
- [17] *Штраус Л.* Германский нигилизм // *Политико-философский Ежегодник*. 2013. № 6. С. 182-205.
- [18] *Halper S., Clarke J.* *America Alone: The Neo-conservatives and the Global Order*. New York: Cambridge University Press, 2005. 369 p.
- [19] *Кристал И.* К итогам XX века. М.: ИНИОН РАН, 2014. 188с.
- [20] *Штраус Л.* О тирании. СПб.: СПбГУ, 2006. 328 с.
- [21] *Штраус Л.* Разум и откровение // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2018. № 1 (21). С. 413–449.
- [22] *Штраус Л.* Преследование и искусство письма // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. С. 12-25.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 10.09.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

Research article

Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism)

K.V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science
Garibaldi Str., 21 B, Moscow, Russian Federation, 117335

Abstract. The article discusses the problem of Leo Strauss' influence on the political culture of the United States and analyzes the current historiographic situation pertaining to the problem. The authors demonstrate that both in the USA and in modern Russia the question of the degree and nature of L. Strauss's influence on the neocons remains open. Meanwhile, it is obvious that Strauss had a significant impact on the formation of neoconservative ideology, which is manifested in the similarity of the basic ideas of the philosopher and his disciples. The formation of the philosopher's views took place during the crisis of the Weimar Republic and the Nazis' rise to power in Germany, which postulated Strauss' idea about the need for strong democracy and its ability to defend itself against tyranny. The concept of strong democracy that can withstand totalitarianism and authoritarianism is one of the key ideas of neo-conservatism. The similarity of Strauss' philosophical views to those of the neoconservatives is seen in criticism of the liberal world order and moral

foundations of the West, which gave rise to relativism and nihilism. The conformity of neoconservative worldview, including and its variants, such as straussianism, to the ideas of Strauss is manifested in advocating the interests of Israel, which the founders of neo-conservatism view as an outpost of the Western world.

Keywords: Leo Strauss, Carl Schmitt, Irving Kristol, liberalism, fascism, communism, neoconservatism, straussianism, crisis of liberalism, elitism, democracy, tyranny, moral crisis of the West.

References

- [1] Thompson C.B. *Neoconservatism: An Obituary for an Idea*. Boulder, CO: Paradigm Publishers; 2010. 303 p.
- [2] Gottfried P.E. *Leo Strauss and the Conservative Movement in America: A Critical Appraisal*. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 2012. 182 p.
- [3] Heilbrunn J. *They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon*. New York: Doubleday; 2008. 320 p.
- [4] Velasco J. *Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2010. 300 p.
- [5] Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Haven: Yale University Press; 2004. 235 p.
- [6] Freidman M. *Neoconservative Revolution: Jewish Intellectuals and the Shaping of Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 303 p.
- [7] Pavlov A.V. The Pragmatic Heirs of Leo Strauss. *Istoriya filosofii*. 2008; 13: 98-109 (In Russ.).
- [8] Mishurin A.N. *Knowledge and Power in the Political Philosophy of Leo Strauss*. PhD thesis in political sciences. Moscow: Russian Academy of Sciences; 2014. 151 p. (In Russ.).
- [9] Matveev I.A. On the Other Side of “Pure Science” and Philosophic Contemplation. *Sociological Review*. 2013; 12 (1): 29-33 (In Russ.).
- [10] Makarevich E.F. Concepts and Developments for American Global Leadership. *Information humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”*. 2015; 3: 45-63. Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Makarevich_Global-Leadership-USA/. Accessed: 05.09.2019 (In Russ.).
- [11] Poretskova A.A. The Future of Political Theory: Discussion on the Legitimation of Scientific Knowledge on the Example of Humanistic and Poststructuralist Tradition. *Political Science*. 2018; 1: 269-282 (In Russ.).
- [12] Alekseeva T.A. *Modern Political Thought (XX-XXI Centuries)*. Moscow: Aspect Press; 2016. 621 p. (In Russ.).
- [13] Gutorov V.A. On some Aspects of the Formation of Political and Philosophical Discourse in Modern Russia. *POLITEX*. 2016; 12 (1): 5-28 (In Russ.).
- [14] Benoist A. de. *Carl Schmitt Today*. Moscow: IOI; 2014. 189 p. (In Russ.).
- [15] Mayer H. *Carl Schmitt, Leo Strauss and “the Concept of political”*. *About the Dialogue of Absent*. Moscow: Skymen; 2012. 191 p. (In Russ.).
- [16] Goldberg J. *Liberal Fascism. The History of the Left from Mussolini to Obama*. Moscow: Reed Group; 2012. 509 p. (In Russ.).
- [17] Strauss L. German Nihilism. *Political-philosophical yearbook*. 2013; 6: 182-205 (In Russ.).
- [18] Halper S., Clarke J. *America Alone: The Neo-conservatives and the Global Order*. New York: Cambridge University Press; 2005. 369 p.
- [19] Kristol I. *To the Results of the Twentieth Century*. Moscow: INION RAS; 2014. 188 p. (In Russ.).
- [20] Strauss L. *On Tyranny*. SPb.: SPBU; 2006. 328 p. (In Russ.).

- [21] Strauss L. The Mind and the Revelation. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018; 1 (21): 413-449 (In Russ.).
- [22] Strauss L. Persecution and the Art of Writing. *Sociological Review*. 2012; 11: 12-25 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 10.09.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН (e-mail: Constantinos1@rambler.ru).

Information about the author:

Konstantin V. Blokhin – PhD in History, Leading Research Fellow of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science (Russian Federation) (e-mail: Constantinos1@rambler.ru).

Для цитирования:

Блохин К.В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 729–744. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

For citation:

Blokhin K.V. Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 729–744. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744